

Х 63
II

В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА № 8

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших классов
Август 1947

НАМ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. О. ВЕРЕЙСКОГО

Мой сын! Послушай мой рассказ
О нашей родине, о нас,
О тех, кто тридцать лет назад,
Подняв Москву и Петроград,
Под красным знаменем, в бою
Свободу отстоял свою
И отдал молодость борьбе,
Чтоб хорошо жилось тебе!

Ты ходишь в школу, в пятый класс,
Как тысячи детей.
Немало школьников у нас,
И каждый — грамотей!

А раньше, много лет назад,
Страною правил царь,
И были не у всех ребят
Тетрадки и букварь.

Учились дети богачей:
Сынки купцов, дворян;
Немного в школы шло детей
Рабочих и крестьян.

Из года в год мужик пахал,
И сеял, и молот,
А хлеб мужицкий попадал
К помещику на стол.

Трудился из последних сил,
Недоедал бедняк,
А барин досыта кормил
Охотничьих собак.

На сотни вёрст — леса, поля,
Равнины и луга,
И всё — помещичья земля,
Где ни ступи нога!

В лугах — господская трава,
В лесах — господские дрова,
На всём лежит запрет,

А барин, знай себе, живёт
На свой помещичий доход,
И сладко ест, и сладко пьёт —
Ему и горя нет!

А в городах из года в год,
До гроба — весь свой век,
Работал также на господ
Рабочий человек.
Стоит лекальщик у станка,
Литейщик у печи,
Стоит столяр у верстака.
Работай и молчи!

Они бежали из тюрьмы,
Чтоб свой народ вести
И вековое царство тьмы
С лица земли смести.

Чтоб и свободна и сильна
Среди соседей-стран
Стояла первая страна
Рабочих и крестьян.

Ничто: ни ссылка, ни острог,
Ни тяжкий гнёт оков,
Никто не мог — ни царь, ни бог —
Сломить большевиков!

И тридцать лет тому назад
Настал свободы час —
Вооружился Петроград,
Восстал рабочий класс.

И тот, кто жизнь в борьбе провёл,
Кто испытал нужду,
На штурм дворцов народ повёл
В семнадцатом году.

В Москве, у древних стен Кремля,
Великий Ленин спит...
Цветёт советская земля,
Колосьями шумит.

Ты посмотри по сторонам:
Все это — наше, это — нам:
И горы и луга...
На сотни вёрст — леса, поля,
И всё — народная земля,
Где ни ступи нога!

Когда же станет невтерпёж —
Всердцах сожмёшь кулак,
Прибавки требовать пойдёшь,
Поднимешь красный флаг, —

Жандармы схватят, избыют,
Узнаешь, где острог
И как колодники поют,
Когда их путь далёк...

Но были люди на земле,
Что думали о тех,
Кому живётся в кабале
На свете хуже всех.

Они хотели, чтоб народ
Был сыт, обут, одет
И не работал на господ,
Как было сотни лет.

Цветут сады не для господ —
Они для нас цветут!
И во дворце не граф живёт,
А школьники живут!

И из мешков зерно бежит
Не в закрома к купцу!
И Днепрогэс принадлежит
Не частному лицу!

Всё то, что грезится другим,
У нас в стране сбылось,
И это нам с тобой самим
Увидеть довелось.

Мы сеем хлеб, броню куём,
Мы в шахтах уголь достаём,
В дома проводим газ.
И этот уголь, эта рожь,
И газ, и дом, где ты живёшь,
И всё вокруг — для нас!

Всё то, что делает завод,
Всё то, что фабрика даёт,
Чем родина горда,
Чем мы сильны на страх врагам,
Всё это — наше, это нам
Навечно! Навсегда!

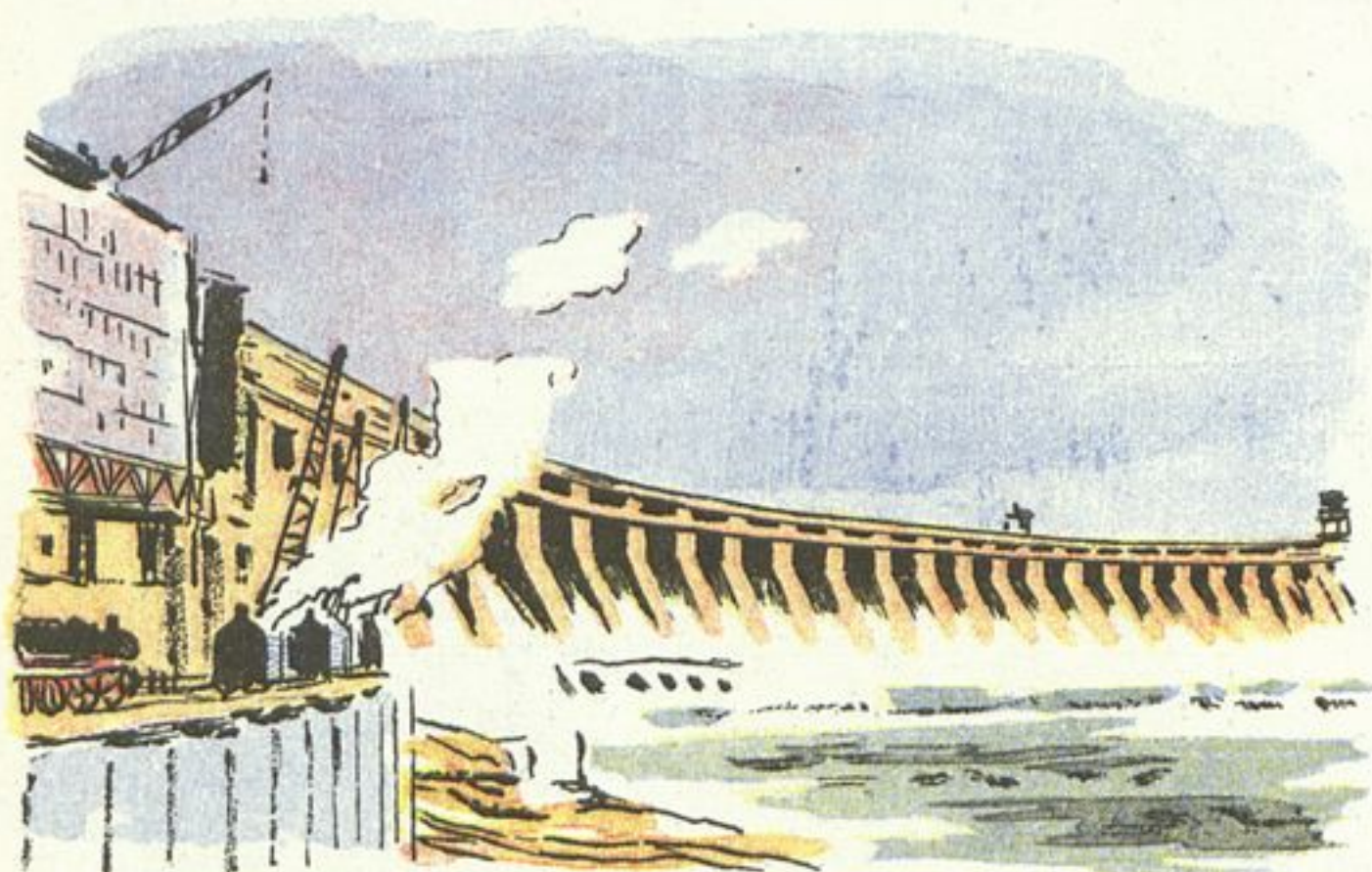
Смотри, шагает генерал!
Он тридцать лет назад
В охране Смольного стоял,
Вернувшись с баррикад.

Он был юнцом в тот грозный час,
Он был безус, но смел,
И революции приказ
Он выполнить сумел.

Смотри, выходит из ворот
Московского Кремля,
По Красной площади идёт
Знакомая моя.

Она — профессор, депутат
От города Орла,
Где тридцать лет тому назад
Кухаркою была.

Смотри, три школьника идут!
Их летом ждёт Артек.
Один — латыш, другой — якут,
А третий друг — узбек.

Они равны, они дружны,
У них один отряд.
Сражались рядом в дни войны
Отцы троих ребят.

Великий Ленин наш народ
В одну семью сплотил,
Великий Сталин нас ведёт.
И наш народ теперь не тот,
Каким он раньше был.

Не сосчитать всех гроз, всех бед,
Что мы перенесли,
Но день за днём мы тридцать лет
Боролись и росли.

В пустынях строил города
Советский человек,
Ему послушная вода
Меняла русла рек.

В труде не покладая рук
Он чудеса творил.
А сколько он постиг наук!
А сколько тайн открыл!

Он превращал руду в металл
Для славных мирных дел,
Чужой земли он не желал,
Вражды с ней не хотел.

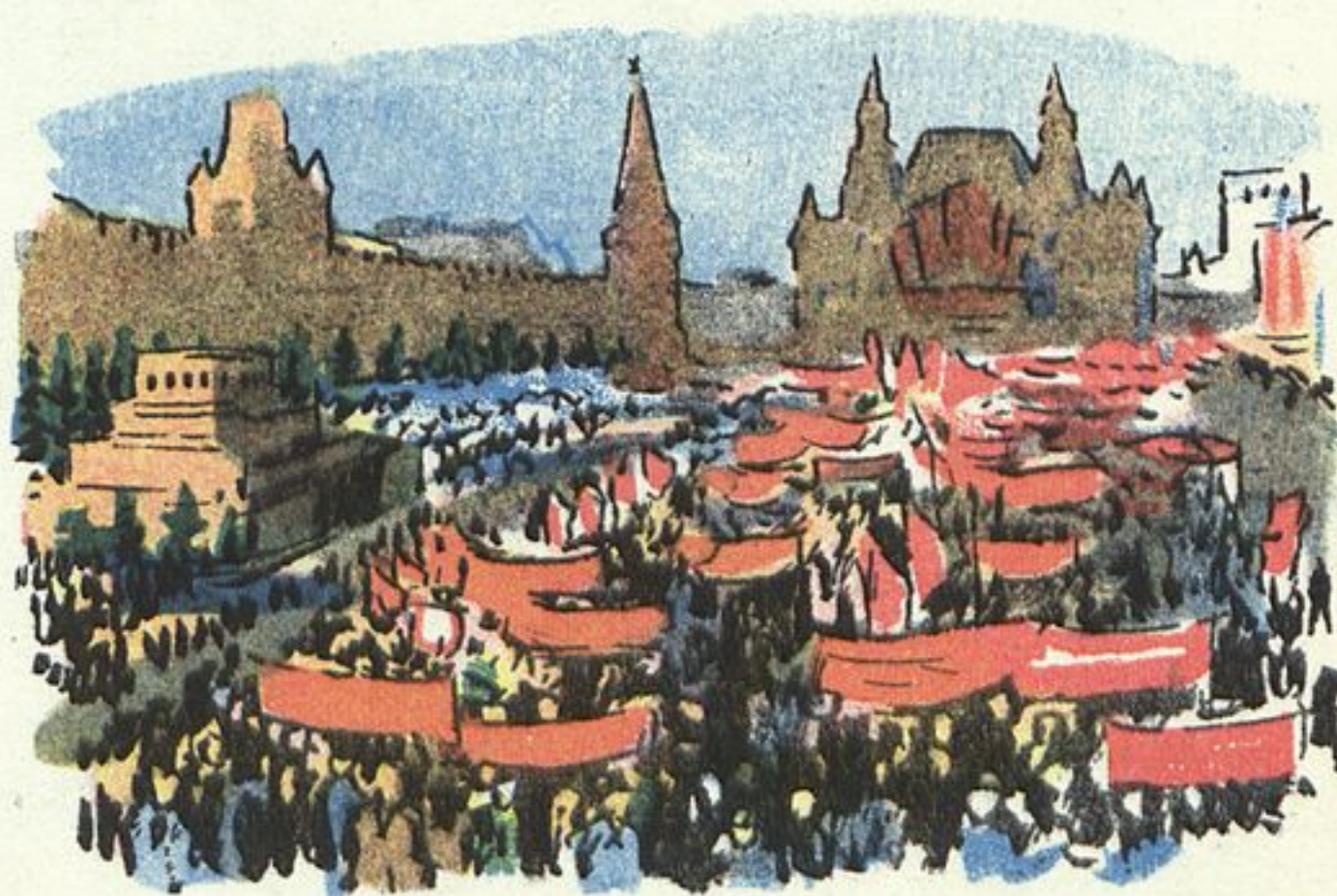
А если шёл он воевать,
Так только потому,
Что нужно было отстоять
Отечество ему.

И тут уж не было преград,
Которых бы не брал
Советской Армии солдат,
Советский генерал!

Живи, учись, гордись, мой сын,
Что ты советский гражданин,
И, в жизни выбрав путь,
Везде — в сраженьях и в труде, —
Всегда — и в счастье и в беде —
Об этом не забудь.

Мы далеко вперёд глядим,
Мы видим цель свою,
И то, что мы создать хотим,
Мы общей волей создадим
В своём родном краю!

Люся и Василён

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рис. Ю. КОРОВИНА

Раньше они жили втроем: мама, папа и Люся.

Потом началась война. Папа ушёл на фронт, а мама с Люсей остались вдвоем. Война была тогда близко-близко от Москвы. Часто прилетали немецкие самолёты, и тогда во дворе противно и громко выла сирена, но Люся никогда её не видела и до конца войны не знала, какая она бывает, сирена.

Скоро маме с Люсей пришлось уехать из Москвы — эвакуироваться. Вагон, в который они попали, был без окон и скамеек, с большими раздвижными дверями. Мама и Люся сели в поезд утром, а уехали только вечером, когда стало уже темно. Поезд отошёл без гудка, без свистка — совсем не так, как уходил, когда они ехали на дачу. Его просто дёрнуло, качнуло, ещё раз качнуло и дёрнуло, и он пошёл, тяжело вздрагивая и скрипя колёсами.

В вагоне было много народу, плакали маленькие дети. А Люся не плакала. Мама приготовила ей постель в самом углу вагона, на полу, и села рядом. Люсю скоро укачало, и она крепко уснула, но и во сне держала маму за руку.

А на другой день случилось вот что: Люся в дороге потерялась.

Это было на станции, когда мама пошла куда-то доставать для неё молоко. Мама долго не возвращалась, и Люсе стало страшно, что поезд не дожждётся и уйдёт без неё.

Люся спрыгнула на шпалы, ушибла коленку и, хромая, побежала искать маму. Но кругом было много-много народу, все торопились, толкались, шумели, и Люсю несло то в одну сторону, то в другую. Один раз ей показалось, что впереди мелькнуло мамино серое пальто с поясом. Она с трудом пробилась туда, крикнула: «Мама!» — и ухватила рукой за пояс. Но это была не мама, а незнакомая тётя в очках. Да и пальто у неё было не такое, а в клеточку.

— Что ты, девочка? — сказала незнакомая тётя. — Зачем ты бегаешь одна в толпе? Тебя же затопчут. Ступай в свой вагон.

— А я уже теперь не знаю, где наш вагон, — сказала Люся, — я маму ищу.

— Ну, так стань у кипятильника. Пусть лучше мама тебя ищет, чем ты её!

Люся послушалась и стала у кипяильника. Стояла, стояла, а мама всё её не находила. Уже людей стало меньше, — все разошлись по вагонам. Вот-вот поезд уйдёт.

— Мама! Уходит!.. — крикнула Люся.

Но тут надвинулся новый поезд с паровозом позади и заслонил тот, в котором они с мамой приехали.

Теперь уже всё пропало! Опять стало тесно, шумно, опять забегали люди, всё незнакомые-незнакомые. Только мамы не было! Значит, никогда уже её не увидит больше, дорогую, родненькую, в сером пальтишке с пояском. И папы нет, а теперь и мамы не будет!

И вдруг Люся услышала, словно кто-то кричит: «Люся, Люся!» Это мама пробила сквозь толпу, схватила Люсю обеими руками и подняла её, как маленькую. Она не бранила её, а только говорила: «Девочка моя! Девочка моя!»

Не спуская Люсю с рук, мама перебралась через площадку другого поезда, добежала до своего вагона, — и тут они сразу поехали. Опять вместе, рядом. Теперь уже Люся никуда маму не отпустит одну.

И в самом деле, с тех пор мама с Люсей почти никогда не расставались.

Когда война ушла далеко от Москвы, они вместе вернулись домой. Обрато ехали в настоящем поезде, со скамейками, окнами и проводником в красивой форме с блестящими пуговицами.

Дома всё было цело, только пыльно. Они открыли дверь своим ключом; и Люся сразу нашла под диваном свой мячик, который закатился туда во время тревоги.

Вместе с мамой они прибрали комнату, вымыли окна, начистили дверные ручки.

Всё было очень хорошо, только мама была невесёлая какая-то, хоть и вернулась домой. Она разговаривала с Люсей, шутила с ней, но когда отворачивалась, сразу становилась хмурой, будто у неё что-то болит или она сердится. Отчего это было, Люся узнала только через год, когда с войны вернулся сосед.

— Значит, и папа скоро приедет, — сказала Люся.

Мама искоса посмотрела на Люсю, потом молча села в кресло и взяла её на руки.

— А ты помнишь папу, Люсенька? — спросила она.

— Помню.

— Хорошо помнишь?

— Хорошо.

— А что ты помнишь?

— Помню, как он меня на ноге качал...

Мама улыбнулась сквозь слёзы.

— И больше ничего-ничего?

— Нет, я ещё помню, как он сидел вот тут, за столом, со своими книжками, я чернильницу опрокинула, а он даже не рассердился, а только сказал: «Вот так история!» Он, наверное, весёлый, добрый... И он сильный. Правда, мама?

— Правда, — сказала мама. — Он был весёлый, добрый и сильный. И ты старайся быть такой же, каким был он, — сильной и доброй.

Мама вытерла слёзы, достала из ящика большую папину фотографию и повесила её над Люсиной кроваткой.

Так они и стали жить у себя дома, в Москве. Мама очень много работала, но ей не нужно было для этого уходить из дому. Она была художница, рисовала картинки для детских книжек и большие плакаты, которые вешают на улицах.

И Люся тоже рисовала. Не так, конечно, как мама, но всё-таки довольно красиво и похоже. У неё были карандаши, кисточки и бумага.

Как-то вечером, когда она легла спать, мама разложила перед собой картонные квадратики и стала их разрисовывать.

— Ты что это там делаешь? — спросила Люся.

— Завтра увидишь, — сказала мама. — А сегодня уже ночь, спи. — Она подошла, поправила на Люсе одеяло, а Люся закрыла глаза и спросила шопотом:

— Мама, а мама, мне тепло?

— Да, тебе очень-очень тепло, моя маленькая! — ответила мама. — Ну, повернись на бочок, и ты сразу заснёшь.

Засыпая, Люся всё время смотрела на маму. Мама осторожно водила по квадратикам остренькой кисточкой. Луч от электрической лампочки освещал её волосы; они светились, будто горели, и были такие тоненькие на лбу и на затылке.

Утром Люся проснулась и раньше всего спросила:

— Мама, а где же те картиночки, которые ты раскрашивала для меня сегодня ночью?

— Для тебя? — удивилась мама.

— А для кого же? — сказала Люся. — Картинки для книжек ты рисуешь на ватмане, а на картоне всегда для меня.

— А на этот раз для других, — ответила мама. — Для маленьких ребят из детского дома.

Квадратики сохли на подоконнике. На одном был нарисован очень толстый гриб, белый, с коричневой блестящей шляпкой. На другом — две крупные красные ягоды с лапчатым листиком — земляника. На третьем — колодец.

— Мама, а зачем ребятам из детского дома так много квадратиков?

— Совсем не много. Каждому по квадратiku. Они прибьют их над вешалками, где пальтишки вешают, и по рисункам научатся узнавать, где чьё пальтишко висит. Ведь они ещё маленькие, читать не умеют.

— А почему ты мне таких квадратиков для пальтишка не рисовала, когда я была неграмотная?

— Потому, что ты у меня одна, а их в детском доме много. Они могут свои пальтишки перепутать.

— Так пусть их мамы находят им пальтишки.

— У них нет мамы.

— Совсем никакой?

— Совсем никакой. Вот поэтому мы с тобой и будем о них заботиться. Хорошо, дочка?

— Хорошо, — сказала Люся и вытянула за колечко нижний ящик от маминого письменного стола. Там было всё Люсино богатство: краски, тетради, куриные пёрышки и тряпочки для куклиных платьев. Все тряпочки Люся собрала в одну кучу.

— Это ещё к чему? — удивилась мама.

— У них, небось, куклы не одетые ходят, — сказала Люся. — Кто же им лоскутки даст, если у них нет мамы?

Мама и Люся оделись. Сложили свои подарки. Мама положила квадратiki в портфель, а Люся запихала тряпочки в корзинку, и они пошли в детский дом.

Улица, где стоял этот дом, называлась переулком. Она была тихая, узкая, а двор возле дома был широкий, и небо над ним было широкое, — его не заслоняли ни крыши, ни дома.

Весь двор был залит солнышком. Снег уже совсем растаял, а в загородке лежал мокрый рыжий песок. В песке валялось чьё-то зелёное ведёрко.

Мама и Люся пересекли двор и подня-

лись вверх по намытым деревянным ступенькам. Лестница была светлая, на окошке висела белая занавеска, и всюду было так чисто и тихо, как бывает только летом на даче.

Маму и Люсю встретила наверху какая-то женщина в белом халате и шапочке, как у доктора. Люся сперва даже немножко её испугалась, но у женщины не было ложечки в руках и чёрной трубки в кармане. Ей очень понравились квадратики, которые мама принесла для детей.

— Какие чудесные картинки! — сказала женщина в шапочке. — Было бы замечательно, если бы вы сами их отдали ребятам. Если у вас, конечно, есть время. Ребята сейчас обедают. Ну, а если торопитесь...

— Нет, нет, — сказала мама, — я не тороплюсь. Я подожду.

Мама взяла Люсю за руку, и потихоньку, чтобы не мешать ребятам обедать, они подошли к двери той самой комнаты, где ребята сидели за столом.

Комната была большая, светлая. Пол блестел, точно каток.

Посредине комнаты стояли два низких-низких круглых стола, — маме по колено, Люсе по пояс, — а вокруг на совсем уж игрушечных стульчиках сидели ребята и обедали. Самых маленьких няни кормили с ложечки.

Ребята ели долго, искоса поглядывая на маму с Люсей. А Люся и мама стояли всё время у входа в комнату. Мама держала в руке портфель, а Люся — корзинку с цветными лоскутками.

Наконец-то ребята доели кисель. Тут бы и обеду конец, но какой-то мальчик в синем передничке поднял руку с растопыренными пальчиками.

— Чего тебе, Василёк? — спросила няня. — Прибавки хочешь?

Василёк ничего не ответил, и ему дали прибавку. Он съел всё, до последней ложечки, и опять поднял руку.

Люся потянула маму за рукав:

— Мама, а мама, смотри, какой жадный, опять прибавки просит...

Мама засмеялась.

Василёк оглянулся, посмотрел на маму и Люсю и тоже засмеялся.

Потом он бросил ложечку на пол, с трудом отодвинул стульчик и пошёл, ковыляя и перекатываясь на толстых, коротких ножках, прямо к двери, где стояли мама с Люсей.

Он шёл, задрав свою круглую голову, не спуская с мамы больших синих глаз; по дороге он спотыкался, едва не падал. Должно быть, ещё не научился как следует ходить.

Мама наклонилась и протянула к нему руки, а он подошёл к ней, обхватил её колени и сказал, переводя дух:

— Мумуля муя!

— Ах ты, милый мой! — сказала мама и взяла Василька на руки.

— Мумуля муя! — повторил Василёк ещё ясней. У мамы на глазах показались слёзы. Она поцеловала Василька в круглый лобик и спросила ласково-ласково:

— Ну, что тебе, сыночек? Что тебе, маленький мой?

Люся дёрнула маму за платье.

— Сейчас же поставь его на место, — сказала Люся. — А то увидишь, что будет!

Мама сразу же поставила Василька на пол, взяла Люсю за руку и повела её в коридор, в самый дальний угол.

— Что с тобой, Людмила? — спросила она строго.

— Домой хочу, — сказала Люся сквозь зубы.

— У тебя заболело что-нибудь?

— Ничего не заболело... А зачем ты этого чужого, жадного мальчишку на руки берёшь да ещё сыночком называешь? Он что тебе — сын?

— Ах, вот что! — сказала мама и покачала головой. — А, по-моему, это не он жадный, а ты сама жадная... Ну, стой тут в углу, чёрствый ребёнок! Мне очень стыдно за тебя.

Мама вернулась к ребятам, а Люся стояла в углу коридора и плакала.

Ей так хотелось, чтобы мама подошла к ней, погладила её по голове, сказала что-нибудь ласковое и пожалела, что поставила дочку в угол, да ещё в чужом доме...

И вот, наконец, Люсино желание исполнилось. Мама вернулась к ней, провела рукой по её волосам и сказала:

— Ну, ты всё ещё плачешь, глупая моя девочка?.. Давай-ка пойдём вместе, покажем ребятам наши квадратики!

Люсе сразу стало легче.

Мама села на игрушечный стульчик у низенького стола, раскрыла портфель и стала вынимать квадратики один за другим.

Достанет квадратик и передаст его Люсе, а уже Люся отдаст ребятам.

— Что это такое? — спрашивала мама.

Ребята узнали всё, что было нарисовано, — ягоду, стол, гриб, ёлочку. Только колодец никто не мог узнать.

— Это колодец, — сказала мама.

— Лодец, — повторил Василёк и засмеялся.

Он стоял рядом и всё время держал маму за юбку.

— Он тебе мешает, мамочка? — спросила Люся.

— Нет, ничего, — ответила мама.

И вот они отдали ребятам все квадратики и пошли в раздевалку.

Ребята остались в большой комнате, и только этот толстый Василёк пошёл за мамой следом.

Оделись, собрались уходить. И тут мама заметила у Люси в руке корзинку с цветными тряпочками для кукол.

— Отчего же ты не отдала лоскутки ребятам? — спросила мама. — Сама же принесла!

— Сама принесла, сама и унесу, — ответила Люся шопотом.

— Как хочешь, — сказала мама и опять нахмурилась.

Она попрощалась с женщиной, похожей на доктора, попрощалась с няней. Потом поцеловала мальчика и сказала: «До свиданья, Василёк».

Но Василёк только ухватился обеими руками за её шарф и смотрел на неё, сдвигнув белые пушистые бровки.

— Прощайся с тётей, скажи ей «до свиданья», — говорила няня, разжимая его пальчики. Но он сопел и перехватывал шарф повыше.

— Пусти! — сказала Люся. — Прицепился, как репейник!

Мальчик удивлённо посмотрел на неё и выпустил из рук шарф.

Мама и Люся вышли на жёлтую крутую лестницу и стали спускаться вниз по намытым деревянным ступенькам. И вдруг за дверью раздался отчаянный, горький-прегорький плач:

— Мумуля муя! Мумуля муя!

Мама на минутку остановилась и посмотрела вверх.

— Идем скорей, мамочка! Я так проголодалась, — сказала Люся.

Мама ничего не ответила, взяла её за руку, и они ушли.

(Продолжение следует.)

КОЛОСКИ

Е. ТРУТНЕВА

Золотое поле,
Спелый колосок,
Не роняй ты зёрен
На сухой песок.
Беспокойным ветрам
Не бросай зерна:
Каждая пригоршня
Родине нужна!

Жёлтая щетинка,
Пяток не коли.
Что жнецы оставят —
Подберём с земли:
Каждый спелый колос,
Каждое зерно,
Чтоб душистым хлебом
Стало и оно!

Покуда глаз хватит — золотое поле — море золотое.

Ходят по золоту бегучие волны, клонят колосья.

А по межам высыпали васильки — синие звёзды.

Хорошо спрятаться с головою в спелую рожь, присесть и слушать, как шелестят тяжёлые усатые колосья.

Вот ползёт по соломинке красный жучок — божья коровка, ползёт вверх и расправляет крылья.

Никто во ржи тебя не увидит, разве жа-

воронок с неба да пролетающий над полем ястреб-мышелов увидят и скажут:

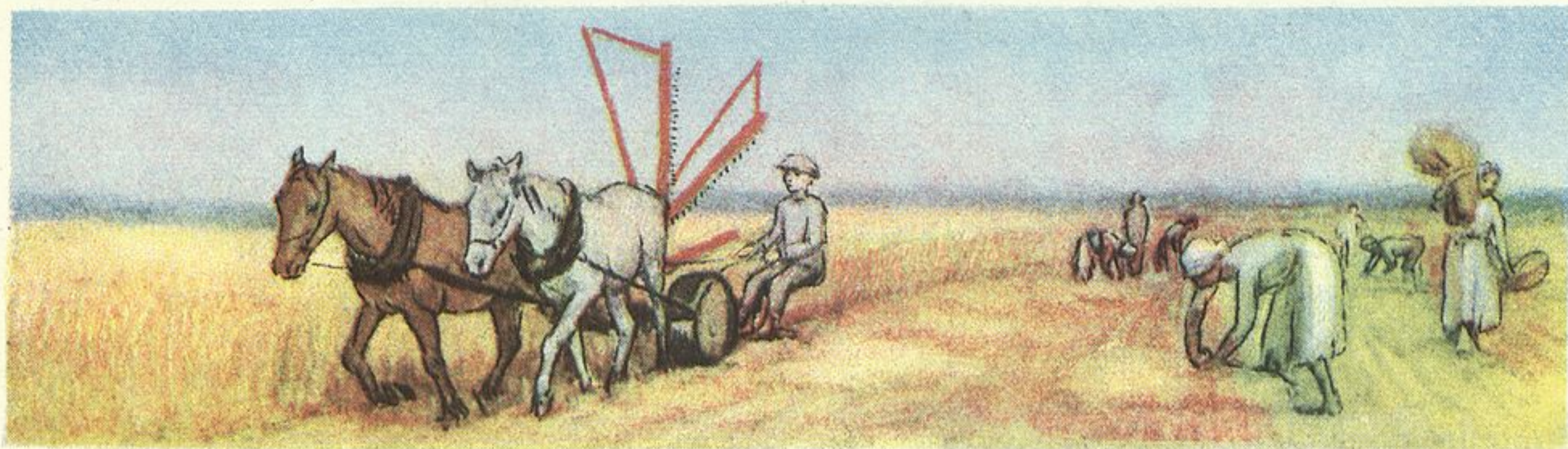
— Никак это маленький заяц там прячется во ржи?

Клонятся, падают под машиной тяжёлые зрелые колосья.

Ходят по широкому полю девушки-колхозницы, быстрыми руками вяжут золотые толстые снопы.

А на краю поля, у наезженной пыльной дороги, гулко шумит молотилка.

Тяжёлое, крепкое льётся в мешки зерно. Высокой горой растёт омет золотой свежей соломы.

Словно серебристые птицы, проносятся самолёты над Московским аэропортом. Сюда прилетают они со всех концов нашей страны.

Если бы тебе удалось спросить лётчиков, откуда они прилетели, то один бы сказал:

— Три часа назад я был на берегу Балтики, в новом советском городе — Калининграде.

Другой бы ответил:

— А я вылетел из столицы советского Узбеки-

стана — Ташкента, пересёк две жаркие пустыни и через пять часов опустился в Москве.

Так велика наша родина! Даже самолёту, летящему пятьсот километров в час, приходится проделать многочасовой воздушный путь, прежде чем он опустится в нашей столице.

Сейчас в аэропорте идёт посадка. Особенно беспокоится самый маленький пассажир — мальчик. Ему поскорее хочется залезть в самолёт. А там действительно интересно! В самом носу

К Р Ы Л Ь Я

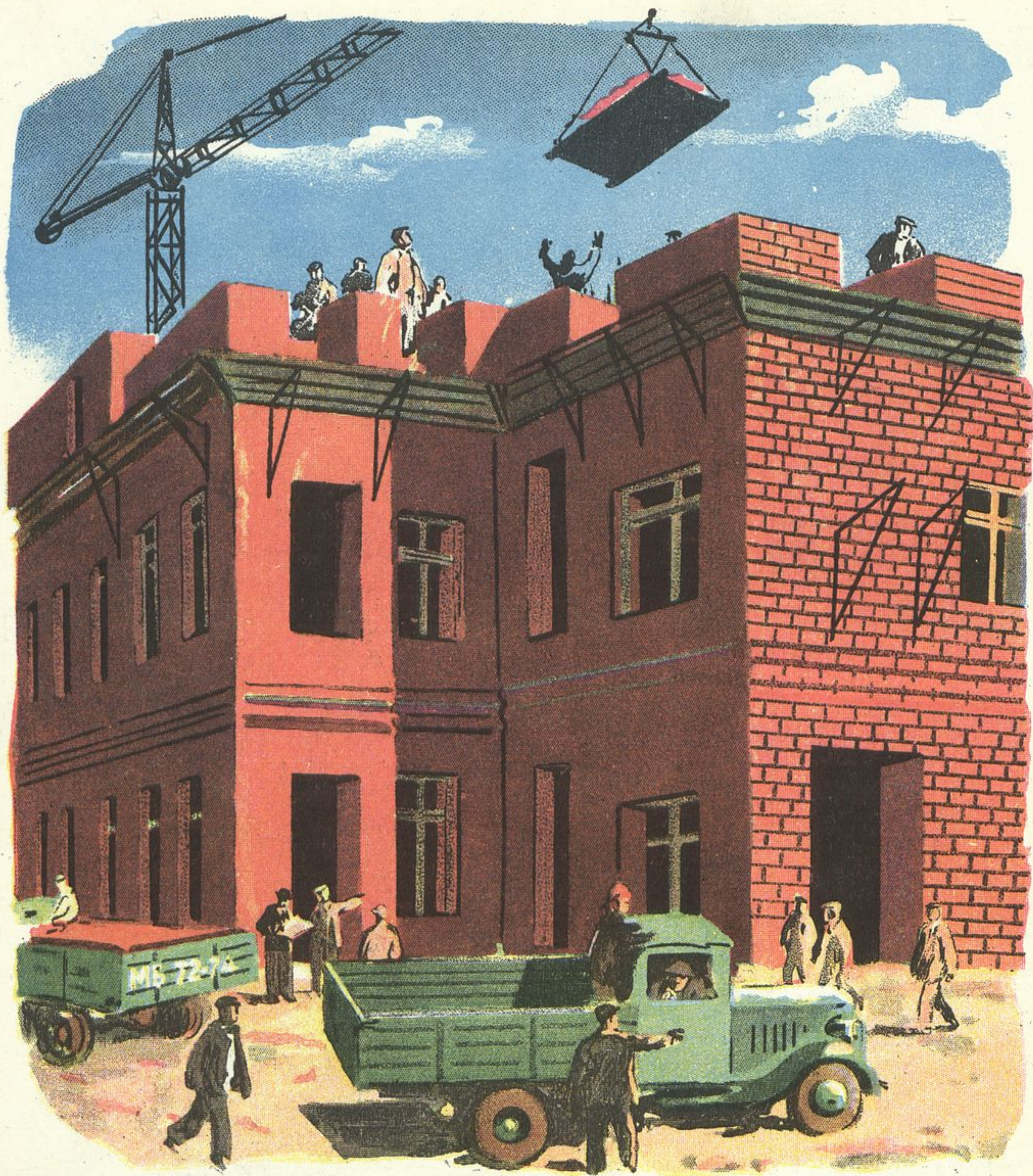

самолёта устроено помещение для пилота, штурмана, бортмеханика и радиста. Перед пилотом — большой щит с различными приборами, похожими на часы. Одни показывают скорость и направление полёта, другие — расход бензина. Есть тут и специальный прибор — «механический лётчик». Включит его пилот — и самолёт летит, управляемый одним прибором.

По обе стороны кабины стоит больше двадцати мягких, удобных кресел. Все пассажиры на ме-

стах. Металлическая дверь кабины закрыта. Винты моторов с рёвом рвут воздух. Через десять часов полёта самолёт будет в Новосибирске.

Могучи крылья нашей родины! Много самолётов у советского народа: одни надёжно охраняют его мирный труд, другие перевозят пассажиров и ценные грузы, ведут научные наблюдения и помогают колхозникам в борьбе за высокий урожай, уничтожая вредителей полей и распыляя удобрения.

Это — стройка на рисунке:
Дом встаёт среди двора.
Кирпичи кладут по струнке
Бригадиры-мастера.

Про новый дом

А. БАРТО

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Перед школой утром рано
Я на стройку захожу;
За большим подъёмным краном
По утрам теперь слежу.

— Ты опять торчишь на стройке,
Зарабатываешь двойки? —
Говорят мне в проходной.
Бригадир меня не гонит:
Он давно знаком со мной.

Бригадир Сергей Кузьмич
Лучше всех кладёт кирпич.

Знатный каменщик столицы
Строит школы, и больницы,
И дома для москвичей.

Он выкладывает стену,
Он укладывает в смену
Три вагона кирпичей.

Грузовик подвозит доски.
Ходит кошка вся в извёстке.

Вместе с Юрой на разведку
Мы приходим в этот двор.
Красят лестничную клетку,
Провода несёт монтёр.

Вот маляр идёт с ведром,
Мы идём за маляром.

Мы подходим к штукатуру.
Все бригады знают Юру.
Юра въедет в этот дом.

Говорит он бригадирю:
— Я ваш будущий жилец.
Можно в новую квартиру
Переехать наконец?

Бригадир даёт ответ:
— Мастера кладут паркет,
А когда въезжать — не знаем,
Это знает Моссовет.

Через день, на всякий случай,
Мы опять идём во двор,
Мы с монтёром и с подручным
Начинаем разговор.

Мы подходим к бригадирю,
Говорим ему опять:
— Можно в новую квартиру,
Наконец, переезжать?

Говорит он нам в ответ:
— В этажах включают свет,
А когда въезжать — не знаем,
Моссовет в Москве хозяин,
Это скажет Моссовет.

Мы на стройку с Юрой вместе
Прибежали в выходной, —
Нет двора на прежнем месте,
Нету будки проходной.

Увезли забор и доски,
Дом стоит на перекрёстке,
Дом на солнце заблистал,
Украшает весь квартал.

Едет мебель на машине.
— Моссовет постройку принял, —
Говорит нам бригадир.

Моссовет постройку принял.
В новом доме — сто квартир.

Дом готов, оштукатурен.
Приходите в гости к Юре!

МОССОВЕТ В МОСКВЕ—ХОЗЯИН

А. БАРТО

Выбирала депутатов
Вся Советская страна:
Ленинград, Ташкент, Саратов,
И Кузнецк, и Фергана.

Горняки и сталевары,
Инженеры и врачи,
Белоруссы и татары,
Сталинградцы, москвичи —
Те, кто вместе воевали,
Побеждали на войне,
На совет в Кремлёвском зале
Собрались в своей стране.

Выбирали депутатов
И Ульяновск, и Саратов,
Украина, и Литва.

Депутатов Моссовета
Выбирала вся Москва.

Моссовет в Москве хозяин,
Он заботится о нас:
В новый дом переезжаем,
Он даёт в квартиры газ.

По Садовой, по Неглинной
Рассылает он машины
Утром город поливать.

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Прошла машина новая —
И вымыта Садовая,
Неглинной — не узнать.

Взлетит фонтан, потом другой,
Встаёт над улицей дугой,
Из-под колёс фонтаны бьют, —
И вымыт город в пять минут.

Моссовет в Москве хозяин.
Он следит, чтоб свет не гас,
Чтоб от центра до окраин
Довозил автобус нас.

На новой карте городской
Приколоты флажки:
Здесь будут парки за рекой,
Здесь будут цветники.

Высокий дом на чертеже
До неба достаёт.
На тридцать первом этаже
В окне мурлычет кот.

Лежат чертёжные листы:
Там небоскрёбы и мосты,
Там тесных улиц больше нет, —
Их перестроит Моссовет.

ПАРОВОЗ И ИГОЛКА

АЛЕКСАНДР ИВИЧ

Рис. Ф. ПОЛЕЩУК

Крохотная иголка — из стали. Огромный паровоз — из чугуна и стали. А сколько ещё чугунных и стальных вещей у вас дома, на заводах, в колхозах!.. Сколько их и на улице, и под улицей, и над улицей!..

Чугун и сталь — разные сорта железа. А откуда берётся железо?

Из земли. Только чистого железа в земле нет. Оно всегда соединено с глиной, камнями, песком. Это и называется железной рудой.

Чтобы сделать железную вещь, надо прежде всего добыть из руды железо. Для этого приходится строить большие заводы.

Стоят на заводах круглые печи, сложенные из кирпича и обшитые железом. Это не просто печи, а печи-великаны. Они ростом с десятиэтажный дом.

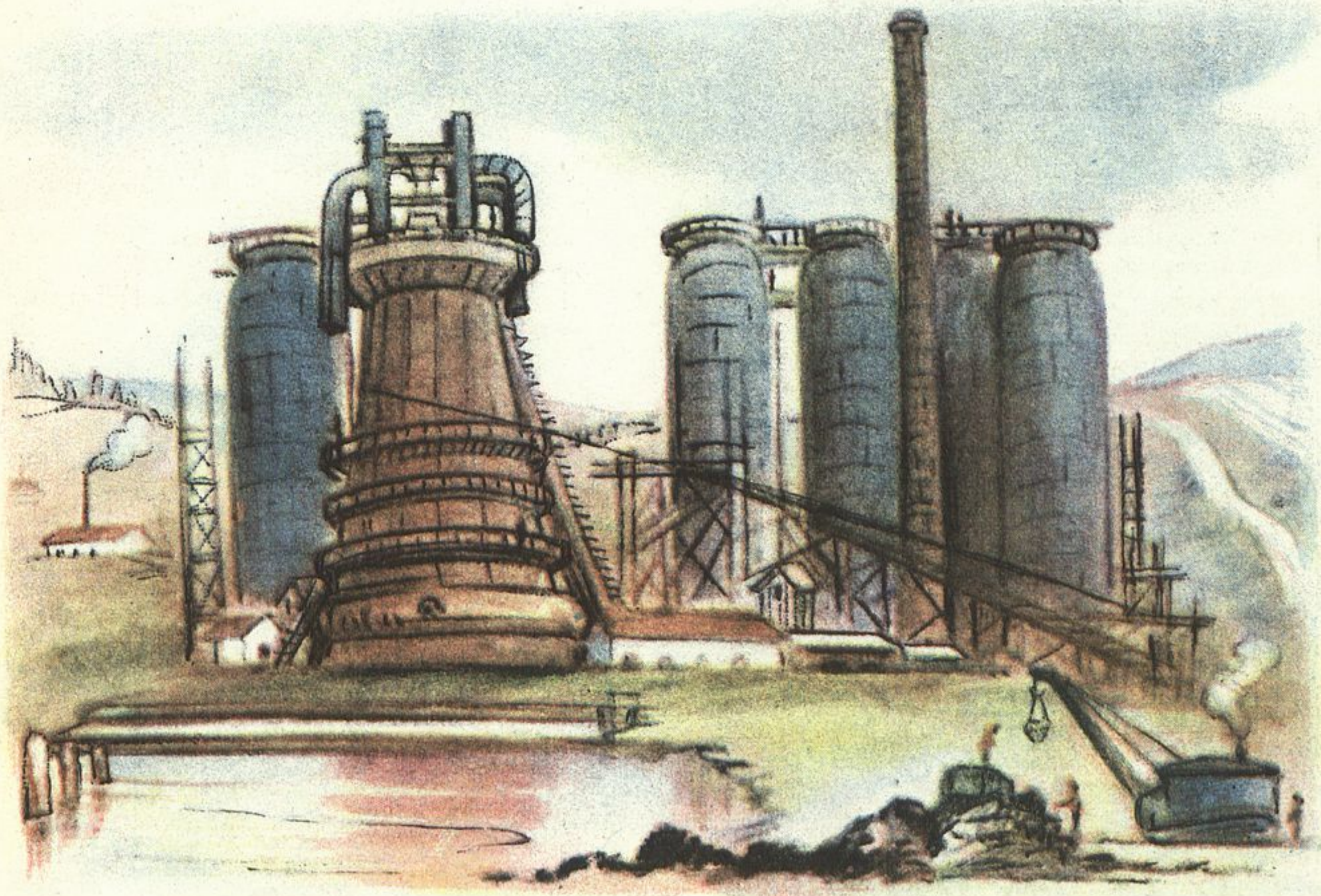
Называются такие печи для выплавки чугуна домнами.

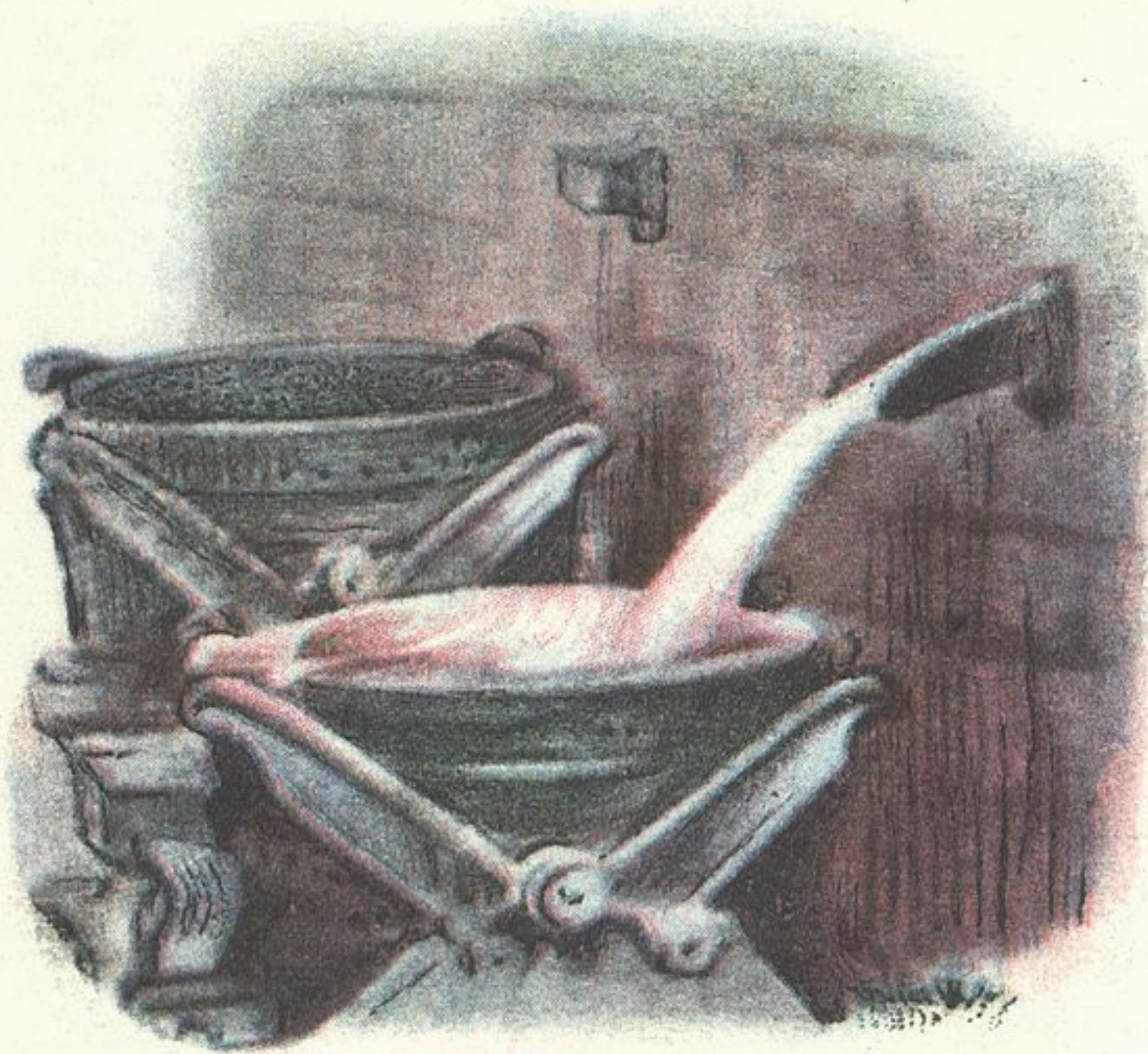
В домну сверху загружают железную руду и прокалённый каменный уголь — кокс.

По домне снаружи ездят вверх и вниз тележки. Они поднимаются и опускаются на канате, как подъёмник. Едет в тележке наверх железная руда. Когда дойдёт тележка до самого верха печи, она опрокидывается, и руда попадает внутрь печи. Опускается тележка, а в это время другая наверх едет — с коксом.

Кокс жарко горит в домне. Железная руда расплавляется, делается почти жидкой, и железо освобождается от всего, с чем оно соединено. Тяжёлыми каплями падает жидкий чугун на дно печи. Расплавленные камни и глина легче чугуна — они плавают над ним.

Из железной руды надо ещё выгнать газ — кислород. Его поглощает раскалённый кокс.

В нижней части печи есть два отверстия, замазанных глиной: одно повыше, другое пониже. Каждые два часа пробивают верхнее отверстие и выпускают расплавленную смесь глины с камнями — шлак. А каждые четыре часа пробивают нижнее отверстие, и в подставленный ковш льётся жидкий чугун. Он льётся тяжёлой огненной струёй, рассыпая далеко вокруг снопы искр.

Из ковша готовый чугун выливают в формы, чтобы он застыл.

У чугуна есть один недостаток — он хрупкий. От сильных ударов чугун разлетается на куски. Поэтому он не для всяких изделий годится.

Хрупок чугун потому, что в нём содержится углерод.

А откуда же он взялся в чугуне? Это нетрудно понять. Ведь кокс, с которым железную руду плавят в домне, это каменный уголь. Он состоит из углерода. Часть его перешла в металл из кокса.

А если выжечь из чугуна углерод, получится другой сорт металла — сталь.

Чтобы варить сталь из чугуна и железной руды, стоят на заводе печи, не такие высокие, как домны, зато очень широкие.

Они похожи внутри на огромную ванну. Грется печь горящим газом. Называются эти печи мартеновскими. Плавится металл в печи несколько часов. Он становится жидким и закипает.

Когда в металле осталось мало углерода, его выливают из печи в ковш. И это уже не чугун, а сталь.

Из ковша жидкую сталь разливают по формам. Потом большие куски стали — слитки — вынимают из форм и отвозят в длинный зал — прокатный цех. Здесь сталь прокатывают.

Раскалённый слиток подвозят на тележке к узкой и очень длинной железной дорожке. Дорожка состоит из вертящихся валиков. Слиток, попав на дорожку, перекачивается с валика на валик, едет по дорожке.

Катится слиток, и вдруг — грохот, треск, шипение, искры летят.

А через секунду катится слиток дальше. Но он уже на себя не похож. Из толстого обрубка превратился в плоский лист. Как же это случилось?

Весь грохот и треск потому, что слиток по дорожке подкатился к двум круглым железным барабанам, один над другим. Между барабанами имеется небольшой просвет. Слиток с разбега втискивается между барабанами. А вертящиеся барабаны его захватывают. Просвет между барабанами меньше, чем толщина слитка. Приходится слитку сплющиться, чтобы протиснуться. Раскалённая сталь ведь мягкая, так что сплющиться она может. Так пропускают слиток между барабанами — они называются валки — несколько раз, всё время уменьшая просвет. И сплющивается слиток в тонкий длинный лист. А можно прокатывать из слитка не только листы, но и стальные бруски — круглые или квадратные. Можно прокатать рельсы для железной дороги. А если пропускать круглые стальные бруски между валками с крошечным просветом, получится проволока.

Из слитков чугуна и брусков стали делают части для паровозов и всяких машин, а из стальной проволоки, например, иголки.

Как же обрабатывают чугун и сталь, как делают из них разные вещи и части машин?

Можно расплавить чугун или сталь в печах, чтобы металл опять стал жидким. Из глины делают формы. Если нужно, например, сделать чугунную трубу, то сперва готовят две глиняные трубы. Одну вставляют в другую, а в просвет между ними заливают жидкий чугун. Когда застынет, форму ломают и вынимают из неё чугунную трубу.

Можно обрабатывать сталь под молотом. Ставят на заводах огромные молоты. Они приводятся в движение паром и электричеством. Под молот кладут нагретый стальной лист. А на той стороне молота, который ударяет по стальному листу, сделано углубление. Если нужно, например, сделать из стального листа вилки, то и углубления на молоте в форме вилки. Ударяет молот и вырезывает из листа вилки.

А можно сталь и чугун обрабатывать не нагревая. Это делают на станках — специальных машинах для обработки металла. На станках строгают металл, сверлят в нём дырки, как в дереве. Инструменты, которыми сверлят и строгают железо, очень твёрдые — твёрже стали.

Теперь подумайте: почему нам нужно так много железа, чугуна и стали?

Ведь даже те станки, на которых сталь обрабатывают, сами сделаны из стали. Из стали делают иголки и машину, которая делает иголки. Из стали делают проволоку, из чугуна и из стали — стан, на котором прокатывают проволоку. Из чугуна и стали делают паровые машины и электрические машины, которые приводят в движение станки. Из чугуна и стали делают части для паровозов, автомобилей, тракторов и тысячи разных вещей, которые даже не перечислишь.

Ни одна страна не может существовать без железа. В нашей советской земле много запасов железной руды и много построено заводов для выплавки чугуна и стали. Поэтому с каждым годом у нас всё больше машин и железных вещей.

Знаете, сколько через три года, к концу пятилетки, будут наши заводы давать чугуна и стали? Двадцать миллионов тонн чугуна и двадцать пять миллионов тонн стали в год. Это намного больше, чем до войны. Если весь этот металл сразу погрузить в вагоны и сцепить в один поезд, так поезд почти через всю нашу огромную страну протянется. Голова его будет в Москве, а хвост — далеко в Сибири, где-нибудь около Иркутска.

ЗАГАДКИ

Н. АРТЮХОВА

1

Я на ёжика похожа,
А ещё — на свинку.
У меня на спинке тоже
Колкая щетинка.
Если вижу я детей,
Грязных, будто свинки,
Я щетинкою своей
Им почищу спинки.

2

Что за шалость, в самом деле?
Шляпы на ноги надели
И стоят в лесу.
Я снимать не стану шляпки,
Забираю всех в охапку
И домой несусь.

Н. НАЙДЕНОВА 3

Колосится в поле рожь.
Там во ржи цветок найдёшь —
Ярко-синий он, пушистый,
Только жаль, что не душистый.

Е. ИЛЬИНА 4

От конца до конца
Протянулось полкольца.

—
Ответ на картинку «Три лисицы»,
помещённую в № 7

Художник нарисовал картинки к трём басням И. А. Крылова: верхний рисунок — к басне «Лисица и виноград», средний — к басне «Ворона и Лисица», и нижний — к басне «Волк и Лисица».

СНАЧАЛА И ПОТОМ

Льются светлые струйки из леек,
Ударяясь о землю, звенят.
Это трудятся, сил не жалея,
Трое чёрных от солнца ребят.

Вот однажды пришли они снова,
Смотрят — вырос такой огурец,
Что нигде не увидишь такого, —
Великан, огурец-молодец!

А наутро приходят — и что же?
Вдруг не стало на грядке его.
Видят — маленький мальчик Серёжа
Покраснел ни с того, ни с сего.

Чуть подумав, спросили ребята:
— Отчего это ты покраснел?
Тут Серёжа взглянул виновато
И ответил тихонечко: — Съел...

— Съел?! Растили, растили всё лето,
В город взять мы хотели его.
Ты, Серёжка, подумал про это? —
Он ответить не мог ничего.

Он смотрел исподлобья, угрюмо
И, вздохнув, прошептал наконец:
— Да, потом я про это подумал,
Но сначала я съел огурец.

Е. ИЛЬИНА

ДОЖДЬ

— Дождик, дождик, что принёс?
— Листья вымыл у берёз,
В огороде полил гряды,
Чтоб горох скорее рос!
— Дождик, дождик, что принёс?
— Я помог расти пшенице, —
Пусть скорее колосится;
Полил клевер и овёс!
Я помог расцвести гвоздике;
Заглянул в сосновый бор;
Я насыпал земляники
На высокий косогор.
Я принёс грибов охапки —
Вкусных маленьких грибков,
С крепкой ножкой, в тёмной шапке
Молодых боровиков.
По тропинкам, по дорожкам
Выходите в бор с лукошком!

Е. ТРУТНЕВА

НАШ УРОЖАЙ

Мы сами копали весной огород,
Мы сами сажали, пололи... И вот —
Расселся, разлёгся
В большущей корзине
И красный, и жёлтый, и белый, и синий,
Здоровый такой,
Разноцветный народ.

Как свёкла румяна!
Как зелен горошек!
Морковка — огонь.
Обожжёшься, гляди!..
А жёлтые тыквы на хрюшек похожи,—
И толстые тоже,
И хвост позади.

Вот редьки с редисками,
Прямо из грядки,
Лежат и глядят с удивленьем на нас.
А круглые репки —
Совсем как цыплятки,
К наседке-капусте сбегутся сейчас.

А вот арбузище,
Зелёный бочище,
Лежит, развалясь,
ПохвALEтся вслух:

«Такого, как я,
Поищи — не отыщешь.
Один уродился,
А весом — за двух!..»

Умытый дождями,
Покрытый загаром,
Ты радуешь всех, разноцветный народ!..
Недаром, ребята,
Недаром,
Недаром
Сажали мы с вами весной огород!

Сто километров по Дунаю

Летом 1945 года военный врач доктор Искандер Газизсвич Файзуллин вызвался проплыть сто километров по Дунаю и выйти из воды на главной площади столицы Венгрии, в городе Будапеште.

Сто километров — дистанция очень большая, не всякий пешеход возьмётся пройти столько без отдыха, без привала. А надо не идти по земле, а плыть в холодной воде!

Но Файзуллин смело вышел на старт.

Перед этим он много плавал, долго готовился к необычному расстоянию и был уверен, что обязательно окончит своё плавание только на финише — в городе Будапеште, у здания парламента.

Для этого ему пришлось немало поработать в тот день. Равномерно взмахивая руками, он покрывал километры водного пространства, и каждый гребок медленно, но неизменно приближал его к цели.

Наконец сто километров остались позади!

У здания парламента его ждали жители Будапешта, друзья, солдаты и офицеры Советской Армии. И сам генерал поцеловал героя!

Недавно доктор Файзуллин пришёл к нам в редакцию «Мурзилки».

— Я написал рассказ для детей, — ска-

зал он редактору: — рассказ о том, как научиться плавать.

Мы решили напечатать этот рассказ. Вы найдёте в нём полезные советы человека, который сам проплыл столько, сколько до него не плавал никто.

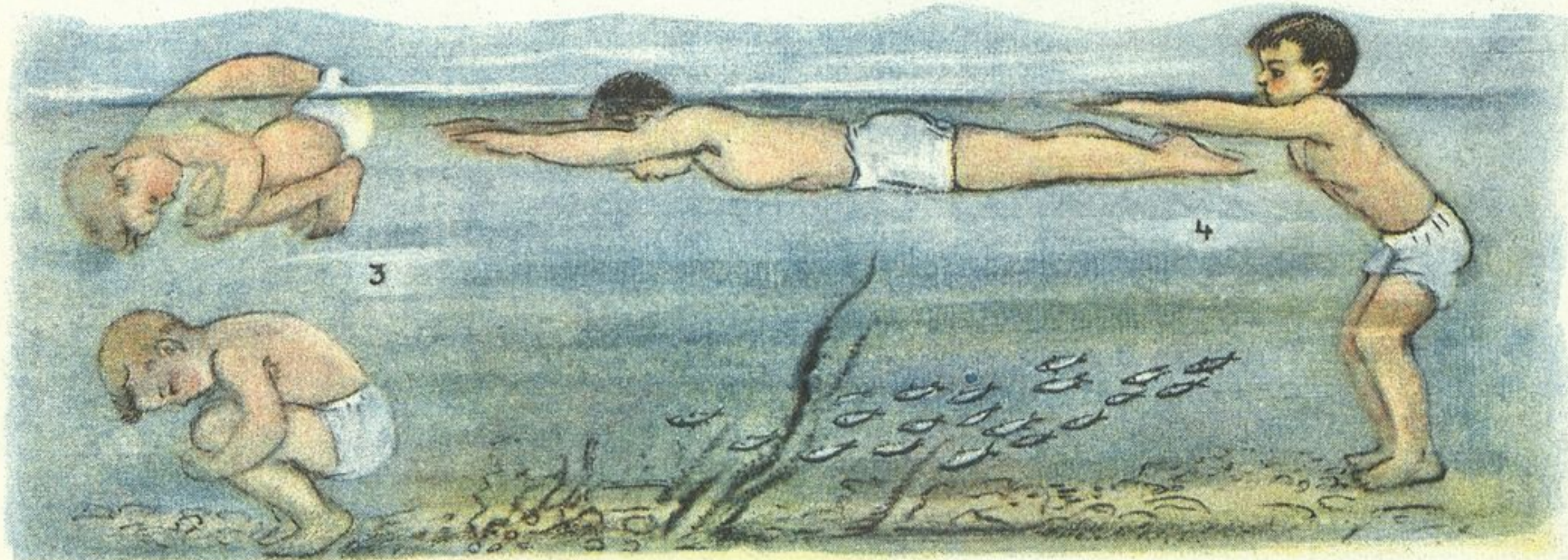
С чего следует вам начать? Сначала нужно выбрать место. Хорошо, если берег пологий и песчаный, а вода прозрачна, чиста и течение не сильное. Кроме этого, нужно ещё, чтобы кто-нибудь из взрослых обследовал дно: нет ли под водой ям, коряг и подводных камней.

Научиться плавать можно в течение нескольких дней. Самое главное — не бояться воды.

Выучиться плавать может каждый, но заниматься плаванием может только тот, кому разрешил врач. Соблюдайте правила: не входите в воду потными, разгорячёнными, сразу после еды. Прodelав все упражнения, какие здесь приведены, вы сможете научиться плавать.

Станьте лицом к берегу так, чтобы вода доходила вам до пояса, присядьте и коснитесь подбородком поверхности воды. Потом, не меняя положения, сделайте глубокий вдох через рот и подуйте на воду, надувая щёки, как будто вы дуете на чай в

П Л А В А Т Ь

блюдце. Повторяйте это упражнение несколько раз.

Откройте глаза

Зайдите в воду по пояс, сделайте вдох через рот и погрузитесь спокойно под воду с головой. Если вода чистая, откройте в воде глаза и постарайтесь рассмотреть окружающие вас предметы: песок на дне, водоросли, пальцы своей руки. Это имеет очень большое значение. Плавать и нырять нужно с открытыми глазами (рис. 1).

Выдыхание воздуха под водой

Сделайте вдох. Погрузитесь с головой в воду, откройте глаза и выдохните через рот под водой воздух, как это показано на втором рисунке.

Плавайте, как бочёнок

Сделайте глубокий вдох и погрузитесь с головой в воду. В воде согните ноги, обхватите себя руками за колени и подтяните их к груди, а голову нагните вниз, как можно ближе к коленям. Не пройдет и трёх секунд, как ваше тело само всплывёт на поверхность воды и будет плавать, как пустой бочёнок (рис. 3).

Скользите по воде

Зайдя в воду по пояс, станьте лицом к берегу. Присядьте и вытяните руки под водой вперёд. Сделайте глубокий вдох, спустите лицо в воду и оттолкнитесь от дна. Вы будете скользить в воде по направлению к берегу, и перед вашими глазами будут мелькать камешки, водоросли. Одновременно с началом скольжения начинайте медленно выдыхать воздух, так, чтобы с прекращением скольжения выдох закончился (рис. 4).

Сделайте «винт»

Сделав скольжение на груди по направлению к берегу с вытянутыми руками, перевернитесь на спину без помощи ног и скользите на спине. Прodelайте это упражнение несколько раз.

Начинайте плавать!

После толчка, во время скольжения на груди, поднимите голову и спокойно начинайте подгребать под себя воду. Работайте ногами, свободно дышите через рот,—и вы поплывёте.

Мастер спорта И. ФАЙЗУЛЛИН

Рис. на обложке А. БИЛЛЬ

Редколлегия: М. АДРИАНОВА, А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, В. БИАНКИ, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, М. МИХАЙЛОВА, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ, В. СЕМЁНОВ (редактор)

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор М. КУТУЗОВА

Год издания двадцать четвёртый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 12/VIII 1947 г. А08705. Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 1386.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

Игра футбольная идёт:
В воротах Мишка, Зайка бьёт.

У Мишки сильное волнение,
А Зайка мчится в нападение.

Р-р-раз! Ударил точно, метко,

И влетает мячик в сетку.

А теперь наоборот:
В воротах — Зайка, Мишка бьёт.

Кричит наш Зайка: — Я — силач!
Не пропущу в ворота мяч!

Т.К.

Лень медвежью позабыв,
Мчится Мишка на прорыв.

Хватя!.. Ударил сгоряча...
Нет ни Зайки, ни мяча.